

Радио "Финам FM"

Программа "Абсурды" с Александром Веккером

25 октября 2013 г.

Гости программы:

Зам. директора Центра политической мысли и идеологии Вардан Багдасарян и директор Института экономики РАН, главный редактор журнала «Мир перемен» Руслан Гринберг.

<http://finam.fm/archive-view/9108/1/>

Выход из кризиса – война?!

ВЕККЕР: Как это ни абсурдно звучит, но есть некое всеобщее предчувствие глобальной войны, и связано это предчувствие с нынешним финансовым кризисом, выход из которого пытаются найти многие страны.

Замдиректора Центра политической мысли и идеологии Вардан Багдасарян считает, что эти темы тесно взаимосвязаны, потому что война – лучший выход из кризиса. Так ли это на самом деле? Может, есть альтернатива?

Здравствуйте, в эфире программа «Абсурды», в студии Александр Веккер. И у нас сегодня в студии замдиректора Центра политической мысли и идеологии Вардан Багдасарян. Здравствуйте, Вардан Эрнестович.

БАГДАСАРЯН: Здравствуйте.

ВЕККЕР: И к нам должен присоединиться в ближайшие несколько минут директор Института экономики РАН, главный редактор журнала «Мир перемен» Руслан Гринберг. Мы ждем с минуты на минуту.

Вы, уважаемые слушатели, также можете присоединиться к нашей беседе, мы ждем ваших вопросов и реплик по телефону – 65-10-996 (код города – 495), или пишите нам на сайт – finam.fm, на страничку программы «Абсурды».

Вардан Эрнестович, давайте сначала разберемся, что мы понимаем под этим финансовым кризисом? Очень много было об этом сказано в последние годы, но, тем не менее, все это напоминает некий не экономический кризис, а политический, и почему?

БАГДАСАРЯН: Вообще, если разбираться в самом понятии «кризис», изначально греки говорили: «Кризис – это поворотная точка». Если мы ведем речь не о неких флуктуациях, неких колебаниях, а именно о кризисе как явлении системном, то тут и обнаруживаются несколько проявлений. Первоначально

действительно все акцентировали внимание на финансовые составляющие кризиса, говорили о сбое в американской системе ипотеки.

ВЕККЕР: Да-да.

Вардан Багдасарян

БАГДАСАРЯН: Потом уже речь пошла о кризисе, что это не просто финансовый, а кризис экономический, и теперь уже речь о том, что это кризис системный и кризис цивилизационный. Действительно, если разбирать причины всего этого явления, здесь, понятно, есть несколько составляющих.

ВЕККЕР: Какие?

БАГДАСАРЯН: Конечно, есть составляющая и экономическая. Линдон Ларуш еще в 70-е годы предупреждал, что движение по тому пути, по которому пошла западная финансовая система, это продуцирование фантомной экономики, основанной на действии финансовых институтов. Тривиально говоря, что напечатать долларов можно сколько угодно, но это в конечном итоге приведет к взрыву – то, что и происходит.

Есть составляющая геоэкономическая. Геоэкономическая составляющая заключается в том, что сложился некий центр (условно) центр этот паразитарный, в нем преимущественно развиваются сервисные отрасли, а под вывеской сервиса скрывается в значительной степени имитация труда, в значительной степени скрываются финансовые институты. Достаточно посмотреть структуру занятости того же американского населения, населения европейских стран: многие заняты не в сферах реальной экономики.

ВЕККЕР: Они не производят реальный продукт?

БАГДАСАРЯН: Не производят продукт. А вместе с тем, значит, сброшен концепт постиндустриализма, якобы мир идет в направлении постиндустриализации – не весь мир. Значительный эффект постиндустриализма заключался в том, что реальный сектор экономики, индустриальный сектор, оказался перемещен в страны по периферии: прежде всего, в страны Дальнего Востока...

ВЕККЕР: Китай, Индия.

БАГДАСАРЯН: Китай, Индия, другие так называемые дальневосточные...

ВЕККЕР: Там, где дешевая рабочая сила.

БАГДАСАРЯН: Да. И они, по сути дела, кормят вот этот мировой центр. Возникает некая диспропорция: потребности и запросы этого мирового центра растут, и в результате происходит сбой, сил остального мира для прокормления этого центра уже не хватает. Это второе проявление кризиса.

Есть политическое проявление кризиса. Мы зачастую анализируем кризис, исходя из тех реалий, описаний тех методологий, которыми мыслил еще Карл Маркс. Но система изменилась, с 1972 года утвердился так называемая Ямайская валютная система. Она заключается в том, что, в общем, денежная масса не привязана к реальной экономике. Можно напечатать долларов столько, сколько угодно, и их прочность зависит от фактора психологического. В значительной степени, кстати говоря, в «холодной войне» не учел Советский Союз, новые эти реалии, и по сути дела, в финансовом отношении в начале 80-х годов и переиграли, запустив печатный станок.

Поэтому, говорят, что кризис – это нехватка финансовых ресурсов, но в этой системе сколько угодно финансовых ресурсов.

ВЕККЕР: Деньги есть всегда.

Руслан Гринберг

БАГДАСАРЯН: Сколько надо, столько и напечатают. Но мы видим что? Видим, что на выходе из каждого кризиса, крупного кризиса, мировой политический центр только усиливался. Мы можем посмотреть ситуацию после Первой мировой войны, после Второй мировой войны. До Второй мировой войны 40% промышленного производства было в Соединенных Штатах Америки – много. После Второй мировой войны – 62%.

После Второй мировой войны США стали жизненным центром, во всяком случае, западного мира. До Второй мировой войны этого не было. Мы смотрим по другим кризисам: выход из кризиса политический заключался в усилении этого центра.

Поэтому есть версия объяснительная – то, что кризис, в значительной степени продуцируется политически, вызывается политическими средствами, чтобы при выходе из кризиса усилить соответствующего политического актора.

И наконец, последнее из проявлений – это проявление такое мировоззренческо-культурное. Это, по сути, кризис той модели, той цивилизации, которая была основана (эта цивилизация) ростом потребности, потребительской культуры: жить за счет будущих поколений, жить в долг, с низкой мотивацией мировоззренческой и ценностной на труд. И вот эта модель роста потребностей неукоснительного при нежелании к труду дала в итоге сбой.

ВЕККЕР: К нам присоединяется наш второй гость, директор Института экономики РАН, главный редактор журнала «Мир перемен» Руслан Гринберг. Руслан Семенович, здравствуйте. Мы тут пытаемся понять, что такое финансовый кризис в современном его понимании. Вот сейчас Вардан Эрнестович попытался дать нам общую картину. А вы как видите, вот как бы вы дали определение? Потому что финансовый кризис уже теряет экономический аспект и превращается в некий политический. Так ли это на самом деле?

ГРИНБЕРГ: Знаете, есть ведь разные определения. Надо понять, о чем мы говорим вообще, что мы имеем в виду, когда говорим «финансовый кризис».

Вот был такой финансово-экономический кризис у нас, 2008-2009-й, это уже принято считать так, уже хрестоматийно. Он начался с финансового, из-за того, что мы жили в атмосфере безответственности, такого перекредитования. Но он потом перекинулся на экономический, когда уже реальное производство стало разрушаться. Сейчас мы наблюдаем выход из кризиса, как бы ни относиться к той ситуации, которая есть, я так считаю, что кризис преодолен.

ВЕККЕР: Вы считаете, что преодолен кризис?

ГРИНБЕРГ: Конечно. Понимаете, здесь надо точно слова понимать. Что мы понимаем под словами? Есть классическое определение: кризис – это когда у вас падает что-то.

ВЕККЕР: Нам, прежде всего, не хватает денег, грубо говоря, банально.

ГРИНБЕРГ: Нет, не хватает денег всегда. Мне, например, всегда не хватает, всегда.

ВЕККЕР: Денег много не бывает, как говорится.

ГРИНБЕРГ: Именно поэтому и не хватает. Нет, я имею в виду классическое определение кризиса, когда у вас два квартала подряд падает производство, падает ВВП – не 0, а минус 1.

ВЕККЕР: В России так и происходит.

ГРИНБЕРГ: Нет, в России сейчас 0 – в промышленном производстве.

ВЕККЕР: Это рецессия.

ГРИНБЕРГ: Это и есть. У нас ведь ВВП вырастет в этом году.

ВЕККЕР: Мы надеемся.

ГРИНБЕРГ: 1,5%.

ВЕККЕР: Мы продолжим с вами разговор сразу после новостей.

Новости. Реклама.

ВЕККЕР: Вот как это ни абсурдно звучит, но есть некое всеобщее предчувствие глобальной войны. Некоторые говорят о том, что выход из кризиса – это именно война, так ли это на самом деле? Может быть, есть все-таки альтернатива? Об этом мы пытаемся сегодня поговорить и выяснить истину.

Замдиректора Центра политической мысли и идеологии Вардан Багдасарян у нас в студии, и директор Института экономики РАН, главный редактор журнала «Мир перемен» Руслан Гринберг.

Вы, уважаемые слушатели, также можете присоединиться к нашей беседе, мы ждем ваших вопросов, реплик. Звоните нам по телефону – 65-10-996 (код города – 495), либо пишите нам на сайт – finam.fm, на страничку программы «Абсурды».

Мы сейчас попробуем понять, все-таки что сейчас доминирует, какой аспект этого кризиса доминирует на сегодняшний день, для того чтобы дальше подойти к самому главному вопросу: будет война или нет.

ГРИНБЕРГ: В ужасе.

ВЕККЕР: Да. Что вы можете по этому поводу сказать, Руслан Семенович? Какой аспект все-таки доминирует?

ГРИНБЕРГ: Понимаете, здесь ведь... Кто знает будущее?

ВЕККЕР: Выход из кризиса – война? Вот как ни парадоксально звучит наша сегодняшняя тема, но мы пытаемся на эту тему поговорить, и попытаемся найти истину, по крайней мере.

У нас сегодня в студии: замдиректора Центра политической мысли и идеологии Вардан Багдасарян, и директор Института экономики РАН, главный редактор журнала «Мир перемен» Руслан Гринберг.

Вы, уважаемые слушатели, тоже можете присоединиться к нам, согласны вы с такой трактовкой или нет. Звоните нам по телефону – 65-10-996 (код города – 495), либо пишите на сайт – finam.fm, на страничку программы «Абсурды».

Прежде чем дать слово вам, Руслан Семенович, чтобы вы отреагировали на то, что говорил до новостей Вардан Эрнестович, я бы хотел все-таки спросить: а где тогда может рвануть реально? Если можно, коротко, Вардан Эрнестович.

БАГДАСАРЯН: Есть несколько такого рода точек. Одна из точек – это Дальний Восток. И уже дискурс идет в Японии о пересмотре статьи Конституции, запрещающей наличие вооруженных сил. Это программа Китая, связанная не только с существенным развитием военного комплекса, но и с созданием баз вне Китая. В дискурсе достаточно Люттвака вспомнить, и так далее, идет проекция о том, что возможна проекция столкновения Китай-Россия, борьба будет идти за сибирское пространство, в виду демографической ситуации, нависшей над Китаем.

Но главное – это то пространство, которое создается, и здесь мы видим, рука об руку идут, парадоксальным образом, Соединенные Штаты Америки, «Братья мусульмане» и «Аль-Каида». Создается пространство достаточно агрессивное, военно-ориентированное, пространство исламского мира. В проекции вопрос о новом халифате.

Но дальше-то, исход, и зачем это делается? Исламская цивилизация на пересечении с рядом других цивилизаций: и с китайской, и с европейской, и с российской, и с индийской. И, по-видимому, если мы ведем речь о некоей проектной постановке, то идет речь о создании некоей силы, которая будет брошена в качестве такого актора начала войны.

ВЕККЕР: Руслан Семенович, есть противоположное мнение, насколько я понимаю?

ГРИНБЕРГ: Я надеюсь.

ВЕККЕР: Озвучьте его, если оно есть.

ГРИНБЕРГ: Я надеюсь, что большинство аналитиков все-таки так не думают, как только что сказал Вардан Эрнестович. Прежде всего, я хотел бы сказать, что нет никаких сил, нет никаких указаний на то, что война решает экономические проблемы.

ВЕККЕР: Так.

ГРИНБЕРГ: Этого никогда не было, это все иллюзия. Другое дело, что война начинается когда-то, и она кончается, и естественно, она покрывает, если она сильная, большая, мировая, она, конечно же, обесценивает все те проблемы, которые были раньше.

ВЕККЕР: Тем более с применением ядерного оружия.

ГРИНБЕРГ: Конечно. Я просто хочу сказать, что мы живем действительно в мире беспокойном, с очень неопределенными какими-то векторами, мы не очень понимаем, как он будет управляться. Поэтому все очень похоже на спор оптимиста и пессимиста, по поводу полунаполненного стакана – наполовину полный или наполовину пустой он. Понимаете, наука может оперировать только реальными фактами, и она должна ими оперировать. Мы сейчас находимся в фазе, как бы это сказать, в фазе спокойствия после длительного периода процветания, как это ни странно.

ВЕККЕР: Да, но, тем не менее, очень многие факты, которые приводит Вардан Эрнестович, с ними трудно спорить.

ГРИНБЕРГ: Факты, понимаете...

ВЕККЕР: Они же складываются в одну определенную систему, и делаются выводы.

ГРИНБЕРГ: Никакой системы нет, во-первых, но факты есть. Факты есть, и есть очень много споров и пограничных, и сколько войн ведется, и уже сейчас они идут. Но это все детские игрушки, по сравнению с тем, что может быть. Но мне кажется, что после того, как была устранена угроза ядерной войны между двумя системами, мы живем несравненно более комфортно.

ВЕККЕР: Это вы Карибский кризис имеете в виду?

ГРИНБЕРГ: Я вспоминаю, в частности, и Карибский, и Берлинский, и какой хотите. Ведь человек как создан? Многие сейчас аналитики говорят так: «Это была история, в которой равновесие страха – это была самая большая гарантия безопасности». Но на самом деле мы несколько раз стояли на грани ядерной войны. Сейчас этого нет, слава богу, благодаря горбачевской перестройке, которая освободила мир от этого. Но правда, сейчас есть много терроризма, не очень понятно, кто будет управлять этим миром.

Мы пока знаем одно, факты говорят о чем: что растет Китай – очень мощно, Соединенные Штаты – очень мощно, и, наверное, еще и Европейский Союз, правда, он без своей внешней политики, и здесь возникает проблема. Значит, был биполярный мир – СССР и США. Теперь, похоже, заканчивается однополярный мир, потому что американцам не под силу руководить этим

миром. Здесь я не хочу говорить о том, хотят они этого или не хотят – это тоже большой вопрос. У нас тоже много разных теорий, что «вот они там хотят править»: они со своими делами не могут разобраться.

Поэтому здесь много разных есть теорий. И конечно, есть угроза какого-то такого многополярного хаоса.

ВЕККЕР: По большому счету, та система, которая была выработана после Второй мировой войны, она изжила себя – это вы признаете?

ГРИНБЕРГ: Она просто прекратилась.

ВЕККЕР: Она прекратилась.

ГРИНБЕРГ: Да.

ВЕККЕР: Теперь нужно что-то создавать новое.

ГРИНБЕРГ: Да.

ВЕККЕР: И тут непонятно, кто это будет делать...

ГРИНБЕРГ: Почему непонятно?

ВЕККЕР: ...С кем и где?

ГРИНБЕРГ: Во-первых, все понятно.

ВЕККЕР: Так, рассказывайте.

ГРИНБЕРГ: Существует, слава богу, я с позиции разумной надежды говорю...

ВЕККЕР: Вы просто надеетесь, что это может быть?

ГРИНБЕРГ: Нет, но точно так же можно предсказать катастрофу, которой не будет. И точно так же можно надеяться на счастье, которого не будет.

ВЕККЕР: Понятно.

ГРИНБЕРГ: Я говорю о фактах. А факты таковы, что, в отличие от 30-х годов, на которые часто ссылаются, и в частности мой собеседник сегодня, у нас совсем другая ситуация. Ведь тогда, в 30-е годы, это была полоса... Как это сказать, вот политика «грабь соседа». Тогда картели главенствовали в мире, Германия была абсолютно унижена после Первой мировой войны, и понятно было, что реваншистские настроения там должны были возникнуть, и они сильно подогревались вот этим кризисом 1929-33 годов. Потом появилась политика

протекционизма, все продавать любой ценой, и ничего не покупать – ясно, это парализует торговлю.

Но самое главное, конечно, была безработица. Я не такой уж лютый марксист, но я хочу напомнить, что Гитлер пришел к власти при безработице 48,5% и без всяких разных пособий, субсидий, и так далее. Сейчас совершенно другая ситуация: сейчас при 10% уже паника, а в Испании уже 25%. Правда, половина не хотят работать, половина хотят работать так, как они учились – это самостоятельная проблема.

Это комфортный мир. Другое дело, что в этом комфортном мире комфортно живет только 1 миллиард человек из 7 миллиардов. А 6 миллиардов знают, как живет тот миллиард, но никогда не приблизятся к этим стандартам. Отсюда самая главная проблема, вот я теперь хочу сказать, с этим предстоит всем бороться – это, конечно, международный терроризм, основанный...

ВЕККЕР: На бедности.

ГРИНБЕРГ: ...Основанный на бедности. Это очень марксистский подход, но он очень правильный. Есть двадцатка, «G20» – очень хорошая организация, я ее очень люблю и уважаю, она добилась того, что после великого кризиса 2008-2009-го, в отличие от того, что было в XX веке, им удалось бороться, им удалось победить вот это стремление к протекционизму, все-таки свобода торговли сохраняется.

Мировое правительство, то, что говорил Вардан, многие говорят в отрицательном плане, я-то считаю, что это единственная возможность действительно этим миром управлять, который сталкивается сейчас с сонмом различных угроз.

ВЕККЕР: Де-факто оно есть, это правительство?

ГРИНБЕРГ: Понимаете, проблема в том, что национальный эгоизм по-прежнему сильнее...

ВЕККЕР: Общих интересов.

ГРИНБЕРГ: ...Общих интересов мира, спасения его. И очень правильно говорят и Джон, и Ганс, и Франсуа: пока гром не грянет, не только Иван не перекрестится, никто не хочет перекреститься, а своя рубашка ближе к телу. Мы живем в одной большой деревне, но нет сельсовета.

ВЕККЕР: Так периодически собираются старейшины.

ГРИНБЕРГ: Собираются. Они-то собираются, но здесь же важно, кто главный.

ВЕККЕР: Да-да.

ГРИНБЕРГ: У нас главное, не главное, а вот это. А вот это – очень серьезная проблема, но она, так или иначе, решается.

Я просто принципиально хочу закончить эту критику вот этих кассандровских возгласов. То, что происходило раньше, не обязательно должно происходить. Немцы и французы колошматили друг друга тысячу лет, и непонятно, из-за чего: уголь какой-то, черт-те что, убивали людей...

ВЕККЕР: И то до сих пор друг друга не любят.

ГРИНБЕРГ: Как-то так. Там, скажем, Баден-Баден, а через Рейн – Страсбург: это два разных мира. Но с другой стороны, они пришли к выводу: «Не надо друг друга убивать, давайте в мире жить». И совсем необязательно, что они не воюют из-за усталости, из-за того, что вот новое возникает, мы все должны ждать. Но как же так? Человечество же не может без войн жить, значит, надо чего-то думать, когда они появятся, где рванет. А я считаю, что оно учится, как это ни странно, потому что в противном случае мы тогда вообще какие-то страшные жалкие существа, если мы не в состоянии договориться о каких-то базовых ценностях.

Ведь смотрите, у нас демография, демографические проблемы жестокие, у нас проблемы потепления, изменения климата жестокие.

ВЕККЕР: Или похолодания.

ГРИНБЕРГ: И похолодания. Эти все проблемы требуют какого-то общего решения. И совсем необязательно, что вот эти конфликты и все эти сценарии ЦРУ, а там, кстати, три положительных, у них один плохой только...

ВЕККЕР: На мой взгляд, они все отрицательные.

ГРИНБЕРГ: Почему?

ВЕККЕР: Не знаю. У меня ощущение полной деградации.

ГРИНБЕРГ: Деградации чего?

ВЕККЕР: Понимания мироустройства.

ГРИНБЕРГ: Мы знаем одно...

ВЕККЕР: Вы заканчиваете фразу, и мы переходим на новости.

Новости. Реклама.

ВЕККЕР: Мировая война как выход из глобального кризиса – вот о чем мы сегодня говорим: возможно это или невозможно, «за» и «против». У нас сегодня в студии: замдиректора Центра политической мысли и идеологии Вардан Багдасарян, и директор Института экономики РАН, главный редактор журнала «Мир перемен» Руслан Гринберг. Вы фразу свою закончите?

ГРИНБЕРГ: Я закончу фразу. Идеи материальны, но здесь очень много мистики всякой насчет войны. Я не вижу никаких оснований думать...

ВЕККЕР: Что возможен военный конфликт?

ГРИНБЕРГ: Нет, военные конфликты возможны, мировая война невозможна.

ВЕККЕР: Мировая война невозможна? Тогда перейдем к роли России во всем этом процессе, потому что мы втянуты в процесс глобализации уже давно и пожинаем плоды. Вот хотелось бы понять, Вардан Эрнестович, как строить сегодня нам свою внешнюю политику и экономику, для того чтобы каким-то образом либо помочь процессу выживания, либо, может, вообще из него выйти.

БАГДАСАРЯН: Я хотел бы первоначально, если позволите, отреагировать...

ВЕККЕР: Отреагировать на все, что сказал Руслан Семенович?

БАГДАСАРЯН: Коротко.

ВЕККЕР: Давайте, если только недолго.

БАГДАСАРЯН: Коротко.

ВЕККЕР: Да.

БАГДАСАРЯН: Вначале о Кассандре.

ВЕККЕР: Я думал, обойдете вы стороной этот вопрос. Или нет?

БАГДАСАРЯН: Пророчество Кассандры, как известно, сбылось, и Троя была взята. И то, что действительно большинство аналитиков сегодня говорят о том, что не рассматривают этот военный сценарий, но большинство аналитиков не рассматривали сценарий кризиса 2008 года, начавшегося. Есть определенная система доказательств, которая выстраивается исторически: выходы из всех кризисных ситуаций были либо война, либо революция. Статистика современная, связанная с увеличением расходов на военную сферу – все идет к этому. Росту в свое время сказал, что Нобелевскую премию мира надо было присвоить атомной бомбе. Почему? Вот та модель, которая сложилась,

бинарная, с моей точки зрения она была более устойчивая, чем сейчас. Сейчас много акторов: Израиль, Иран...

ВЕККЕР: Но это проблема роста, переходный период.

БАГДАСАРЯН: Мне видится в чем запрограммированность такая системная на некий конфликтный, катастрофический выход? Мы посмотрели данные по доходам на душу населения 10% самых богатых стран мира и 10% самых бедных стран мира в истории. И все шло исторически...

Трудно себе представить, что в XVIII веке всего в два раза 10% самых богатых превосходило 10% самых бедных. Но разрыв все увеличивался и увеличивался, ускорялся. Единственный был период за всю историю человечества, когда рост был остановлен, и более того, происходило сокращение – это период существования СССР, когда была выдвинута эта альтернатива. Рухнул СССР, раскол этот пошел по нарастающей в геометрической прогрессии.

И сейчас сложилась модель мира: есть центр, есть полупериферия, которая его обслуживает – это банановые республики, сборочный цех, есть мировая обочина, которая вообще вне этой системы, которая представляет собой...

ВЕККЕР: Это Африка.

БАГДАСАРЯН: Архаизированное пространство. Мы смотрели статистику, там продолжительность жизни за значительные годы падает в современной ситуации. Мир достаточно конфликтен. Выход из этого: мировой центр легитимизирует эту систему, легитимизирует ее идеологически, политически. То наследие, которое осталось, даже в виде ООН с Россией в Совете безопасности, оно эту модель не устраивает, нужна новая. И соответственно, другие акторы, которые не хотят в такой парадигме быть на низших этажах многоэтажного человеческого здания находиться, они будут пытаться этой системе противостоять. И BRICS в этом плане – вот какая-то попытка в этом отношении...

ВЕККЕР: Про Россию.

БАГДАСАРЯН: Про Россию. Глубина падения, 2009 год был, посмотрите, по вхождению в кризис у России была наивысшая: Россия оказалась очень зависима от внешних акторов. Ее беда в чрезмерной интеграции. Здесь как бы оптимум: насколько надо той или иной стране интегрироваться в мировую систему. Россия, видимо, этот оптимум превзошла. России, с мой точки зрения, надо выстраивать свое мироэкономическое пространство, свой мир, не только...

ВЕККЕР: Но мы уже отдельно существовали, как можно существовать теперь без всего мира? Я, если честно, не совсем понимаю.

ГРИНБЕРГ: Дайте, я скажу парочку слов здесь.

ВЕККЕР: Да.

ГРИНБЕРГ: Мне хочется хоть с чем-то согласиться, что Вардан говорит.

ВЕККЕР: Да, давайте.

ГРИНБЕРГ: Я, конечно же, соглашусь с ним, что проблема России заключается в том, что с самого начала революции нашей, я имею в виду Перестройку и потом радикальные реформы, мы, конечно, очень сильно открылись миру, потому что была принята концепция «все для потребителя». Потому что 70 лет пустых полок...

ВЕККЕР: Изголодались.

ГРИНБЕРГ: Изголодались, поэтому надо, чтобы всего было много, чтобы все лежало...

ВЕККЕР: А как это и каким путем – неважно?

ГРИНБЕРГ: Да. И тем самым, конечно, был нанесен сильный удар по производителям. Потребители получили все, но потом вспомнили, что все-таки надо деньги откуда-то брать...

ВЕККЕР: На что-то это покупать.

ГРИНБЕРГ: И это, конечно, сильно ударило, это правда. Поэтому, конечно же, сегодня есть проблема, каким образом это делать. Может быть, нам придется проводить промышленную политику, немножко закрывая внутренний рынок.

ВЕККЕР: Но попытки-то сейчас делаются.

ГРИНБЕРГ: Они делаются, и я надеюсь, что они будут делаться хорошо. Мне не нравится, что в правительстве есть много людей, которые не согласны с этим, не согласны с тем курсом, который сейчас происходит, и в этом смысле для индустриализации, конечно, губителен, для страны. Я очень надеюсь, что будут реализовываться мегапроекты, которые не любят в правительстве.

ВЕККЕР: О каких мега-проектах вы говорите?

ГРИНБЕРГ: Я имею в виду инфраструктурные мощные проекты.

ВЕККЕР: Инфраструктурные – модернизация промышленности...

ГРИНБЕРГ: Нет-нет.

ВЕККЕР: ...Или что вы имеете в виду?

ГРИНБЕРГ: Не серийное производство, а именно инфраструктурные проекты. Например, коридор развития – железная дорога от Пусана до Лиссабона, освоение морского шельфа. Мне кажется, очень важным было бы массовое жилищное строительство, потому что здесь не конкурирует импорт, и здесь очень хорошие...

ВЕККЕР: Дороги.

ГРИНБЕРГ: Да, конечно, дороги. Но, тем не менее, я по-прежнему хотел бы вернуться, коротко, к тому, что Вардан говорил вначале. Поймите, наш мир очень противоречив, много разных тенденций есть – и хороших и плохих. Он собрал плохие, что все к тому идет, мир всегда воевал и будет воевать. Я вот категорически против этого. И нет никакой связи между развитием, это чистая эквилибристика, между наращиванием неравенства и подготовкой к войне. Это просто совпадение.

ВЕККЕР: Но вы же не можете исключить, что напряженность между вот этими двумя противоположными сегментами нарастает? Теми, кто обладает этими богатствами...

ГРИНБЕРГ: Да, конечно. И более того, я даже скажу так: если бы не было опыта 70 лет советской власти, то «Occupy Wall-Street» не кончился бы просто лозунгами: скорее всего, штурм Зимнего дворца бы был. Потому что этот идиотизм, связанный с рыночным фундаментализмом, с конца 70-х годов, он во всем мире привел к тому, что доктрина Маркса о том, что на одном поле все скапливается богатство, в руках немногих, а на другом масса обездоленных – это действительно происходит.

А сейчас в другую сторону. Сейчас идет речь о том, чтобы возвратиться к гуманному капитализму 50-70-х годов. И французы показывают это, и многие хотят, взять в пример скандинавские страны. Я по-прежнему настаиваю на том, что в нашем мире опасность мировой войны (мировой – хочу я еще раз подчеркнуть) неизмеримо меньше, чем при конфронтации СССР и США, потому что там могло несколько раз произойти.

ВЕККЕР: Я понимаю, что война – это не выход, это усугубление ситуации. В принципе, это все понимают.

ГРИНБЕРГ: Это просто катастрофа.

ВЕККЕР: Это катастрофа для всех – и тех, кто даже замышляют.

ГРИНБЕРГ: А кто?

ВЕККЕР: Это...

ГРИНБЕРГ: Китайцы?

ВЕККЕР: Да.

ГРИНБЕРГ: Китайцы переплетены с Америкой настолько, они столько лет работали, чтобы добиться какого-то благополучия. Кстати, благодаря вот последним изменениям, миллионов 300 (это же много), миллионов 300-400 живут по-человечески теперь в Китае.

ВЕККЕР: Не все, но...

ГРИНБЕРГ: Нет, 300 миллионов – все. А еще миллиард, правда, остался, он – как получится.

Но здесь другие какие-то есть проблемы. Если весь мир захочет жить, например, как словаки даже, вот все 7 миллиардов человек, а словаки – это немножко ниже среднего.

ВЕККЕР: Но не хуже, чем чехи живут.

ГРИНБЕРГ: Чуть-чуть хуже, ненамного.

ВЕККЕР: А когда-то была одна страна.

ГРИНБЕРГ: Но тоже чуть-чуть хуже жили.

ВЕККЕР: Но вы знаете, жили они гораздо лучше, чем в Советском Союзе.

ГРИНБЕРГ: Я просто хочу сказать, что если весь мир захочет вдруг жить так, как живет средний европеец, то нужно еще три Земли, вот даже при нынешних уже развитых технологиях.

ВЕККЕР: Это понятно.

ГРИНБЕРГ: Это серьезная проблема.

ВЕККЕР: Вардан Эрнестович, в заключение, вы же тоже наверняка понимаете, что война – это не выход из кризиса?

ГРИНБЕРГ: Он тоже не хочет, я надеюсь.

БАГДАСАРЯН: Я хотел бы, чтобы меня правильно поняли. Это не я призываю, как лучший сценарий...

ГРИНБЕРГ: А жизнь.

БАГДАСАРЯН: Не я призываю к войне.

ВЕККЕР: Вы считаете, что это лучший сценарий?

БАГДАСАРЯН: Я не считаю, что это лучший сценарий.

ВЕККЕР: Так.

БАГДАСАРЯН: Я говорю о том, что исторический опыт показывает, что смена моделей не катастрофическим путем фактически никогда не реализовывалась. Известен либо революционный сценарий, и даже нобелевский лауреат Стиглиц, казалось бы, по отношению к США, говорит о том, что США находится накануне социальной революции. Эпатирует это высказывание, но нобелевский лауреат имеет основания такое заявить. То расслоение в американском обществе, которое сейчас происходит, дает определенные основания для этого. И те противоречия...

ГРИНБЕРГ: А война-то зачем?

БАГДАСАРЯН: Я говорю о том, что есть два сценария – либо революционный, либо военный. Модель иначе не меняется. Путем консенсуса модель изменить... Если мы говорим о том, что сбой системы, система не функциональна, не отвечает современным реалиям.

ВЕККЕР: Но все-таки будем надеяться на лучшее. Программа подготовлена по материалам агентства «Прайм» и системы «БИР-Аналитик». Спасибо большое. И до встречи в программе «Абсурды».

Читать полностью: <http://finam.fm/archive-view/9108/>